

История

Профессор Ши Луго, Юньнаньская экспедиция и некоторые вопросы становления антропологии в Китае (к 130-летию С.М. Широкогорова)

© 2017

А.М. Кузнецов

В статье рассматриваются некоторые вопросы участия С.М. Широкогорова (Ши Луго) в развитии антропологии Китая. Переоцениваются в ней также итоги Юньнаньской экспедиции 1928 г. На основании новых материалов установлено влияние ненаучных обстоятельств в «деле Широкогорова» и оценках его деятельности. Сделан вывод, согласно которому основные научные работы С.М. Широкогорова, подготовленные в Китае, не утратили своего значения и в настоящее время.

Ключевые слова: Китай, Юньнаньская экспедиция, С.М. Широкогоров, антропология.

В силу специфики социально-гуманитарного знания процесс формирования новых его отраслей в Китае 1920-х годов неизбежно порождал острые дискуссии, в том числе о соотношении собственных традиционных и привносимых западных начал. Не менее актуальным в этих условиях становился вопрос о пределах целесообразности в привлечении зарубежных ученых. Градус таких дискуссий поддерживался как осознанием масштабности стоявших задач, так и энтузиазмом реализовывавших их первопроходцев. Характерные на тот момент настроения наглядно демонстрирует, например, программная статья по поводу создания в январе 1928 г. Научно-исследовательского института языка и истории в Университете им. Сунь Ятсена в Гуанчжоу (открыт в 1924 г.) «Нам нужно сокрушить всех идолов научного мира, избавиться от всех существующих в сфере науки предубеждений. Мы должны проводить полевые исследования, отыскивать и собирать материалы, идти в народ и изучать диалекты, находить остатки древней культуры и проводить раскопки, обращаться к самым разным обществам людей в поисках народного фольклора, строить науку нового типа!»¹. (Здесь и далее курсив мой. — А.К.)

Кузнецов Анатолий Михайлович, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Восточного института — Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). E-mail: kuznetsov.2012@mail.ru.

Пользуясь случаем, хочу выразить искреннюю признательность старшему научному сотруднику Отдела Китая Института востоковедения РАН В.Ц. Головачеву и профессору Университета им. Сунь Ятсена Сяо Цзиньюй за помощь при подготовке этой статьи. — А.К.

*С.М. Широкогоров
1887-1939*

При некотором максимализме приведенной цитаты, следует отметить, что намеченные планы были вполне реальными. Начало 1920-х годов явилось знаменательным моментом в мировой антропологии. Именно тогда Б. Малиновским, Ф. Боасом, А. Редклиф-Брауном были заложены ее современные начала, во многом связанные с практикой длительных полевых исследований. Вполне в духе того времени один из основоположников антропологии и социологии Китая Фэй Сяотун отмечал: «Суть полевых археологических и антропологических работ заключается в том, чтобы, забыв свои знания, почерпнутые из книг, выйти из кабинетов и библиотек и погрузиться в исследования на местах, испытать все на своем личном опыте. Это позволяет ощутить “свою причастность к знанию”, воспроизвести живой образ культуры людей, являющихся объектами исследования»². Казалось, что для вновь формируемых в стране этих научных дисциплин появился шанс сразу сориентироваться на передовые позиции в науке и быстро пройти этап освоения зарубежного опыта. Но в таком случае становится непо-

нятной неприятная история с Юньнаньской экспедицией 1928 г. и той ситуацией, которая сложилась при обсуждении ее результатов. Это был первый в стране опыт проведения полевых антрополого-этнографических исследований в провинции Юньнань, инициированных Университетом им. Сунь Ятсена. Поэтому идея экспедиции получила уже на стадии подготовки большой резонанс в научной среде и прессе Кантона (Гуанчжоу).

После завершения экспедиции стали тиражироваться очень негативные оценки ее значения, например, «полевые работы, не оправдавшие надежд». В лучшем случае, высказывались такие мнения: «Юньнаньская экспедиция на уровне теории уже вышла за тесные рамки традиции, но на практике она была связана оковами старых научных представлений»³. Немаловажную роль в последующей критике сыграло также то обстоятельство, что руководство экспедицией было поручено известному российскому ученому С.М. Широкогорову, который с октября 1922 г. оказался в вынужденной эмиграции. Известность Широкогорову принесли статьи и книги, которые были опубликованы уже в Китае. Причем, если первая его монография «Этнос...» вышла в свет в Шанхае еще на русском языке⁴, то последующие публикации, в том числе «Социальная организация маньчжур» и «Социальная организация северных тунгусов»⁵ были выпущены уже на английском. Работы исследователя были также переведены на немецкий и французский языки. Международное признание, очевидно, определило приглашение российского ученого в Университет им. Сунь Ятсена и назначение его на должность руководителя Юньнаньской экспедиции.

Сразу следует отметить, что вокруг личности С.М. Широкогорова по причине его статуса иммигранта сложилось немало стереотипов и предрассудков. Доверился им, к сожалению, и такой известный специалист, как М.В. Крюков, которому принадлежит заслуга введения в научный оборот важных документов по Юньнаньской экспедиции. По-видимому, под влиянием некоторых из опубликованных им документов был сделан вывод: «...всемирно известный ученый отличался фатальным неумением ладить с людьми, а его “аристократические замашки” неизменно вызывали резко негативную реакцию окружающих. Поэтому, кстати говоря, за годы пребывания в Китае Сергей Михайлович, как правило, *подолгу не задерживался ни в одном научном учреждении*, где ему доводилось работать. Кажется, только директор Института истории и филологии АН Китая Фу

Сынянь, чрезвычайно высоко ценивший Широкогорова как специалиста, просил ему экстравагантность поведения и каждый раз *после очередного увольнения* помогал устроиться на новом месте»⁶. Справедливости ради надо признать, что только в XXI веке мы получили возможность более реально судить о личности и делах С.М. Широкогорова. Да и как могло быть иначе, если у себя на Родине он был включен в «Список лиц, причастных контрреволюционной деятельности на Дальнем Востоке в 1918–1921 гг.» под № 150⁷. Основанием такого «оргвывода» послужил факт, что ученый, работая в Государственном дальневосточном университете во Владивостоке, часто не получал жалование. Поэтому он был вынужден подрабатывать секретарем Народного собрания — одной из структур очередного правительства периода Гражданской войны.

До последнего времени наименее известным как раз оставался китайский период жизни и деятельности российского исследователя. Сейчас мы уже имеем ряд публикаций, вышедших в Китае и других странах, посвященных вкладу С.М. Широкогорова в развитие науки Китая, в том числе важные работы его ученика Фэй Сяотуна и статьи Лю Сяюня (Университет им. Сунь Ятсена, затем Юйлинский педагогический институт Гуанси-Чжуанского автономного района). Взяв за основу эти материалы, а также данные М.В. Крюкова и А.М. Решетова, попытаемся восстановить, насколько возможно, конкретные обстоятельства Юньнаньской экспедиции, а уже затем обратимся к ее оценкам.

Итак, эта история начинается с того, что сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого в Петрограде С.М. Широкогоров 24 октября 1917 г. (по ст. стилю) вместе с женой и верной сподвижницей Елизаветой Николаевной выехали в новую экспедиционную поездку на Дальний Восток. Экспедиция планировалась на несколько лет и должна была продолжить исследования, проведенные в 1915–1917 гг. Широкогоровы начали свою работу с Китая, но из-за начавшейся на Родине Гражданской войны, не получая необходимые средства из Петрограда, были вынуждены в июне 1918 г. вернуться в Россию, в доступный тогда для них Владивосток. Здесь Сергей Михайлович приступил к обработке своих полевых материалов, участвовал в создании частного Историко-филологического факультета, а потом стал председателем Комитета по открытию Государственного дальневосточного университета. В сентябре 1922 г. Университет командировал своего приват-доцента Широкогорова в Китай, где планировалась публикация его трудов. После установления во Владивостоке 25 октября 1922 г. советской власти С.М. Широкогоров, находившийся в это время в Китае, был уволен из Университета как не вышедший на работу. Так он остался за границей, работал в научных и учебных заведениях на юге Китая, где стал известен как профессор Ши Луго. В Научно-исследовательском институте национальных наук Сямьнского университета он обеспечивал изучение этнических групп и антропометрические исследования детей провинции Фуцзянь⁸, а также работал над созданием сравнительного словаря тунгусского языка⁹. Известно, что директор Института, известный ученый Го Синьлан очень ценил Широкогорова, но в феврале 1927 г. это подразделение было расформировано. Вскоре Сергей Михайлович получил приглашение на должность профессора антропологии в Университет им. Сунь Ятсена в Кантоне, где создавались факультеты и институты антропологического и этнологического профиля. Одновременно он также был зачислен сотрудником НИИ истории и филологии тогда еще Университета¹⁰.

Готовясь приступить к новым обязанностям, С.М. Широкогоров 6 апреля 1928 г. составил для руководства Университета Программу этнологических исследований, которая предусматривала проведение экспедиции в Юньнани. Основная часть этой программы (6 пунктов) была отведена физико-антропологическим исследованиям. Только один, 4-й, пункт касался этнографического, антропологического и лингвистического исследования *некитайских групп*, в том числе *аборигенов Юньнани и Гуйчжоу*¹¹. Опираясь на свой опыт, С.М. Широкогоров предупреждал: «Ассистенты должны иметь этнологическую и антропологическую подготовку, не говоря уже о тех, кто

готовит себя к полевой лингвистической и этнографической работе. Задачу их обучения я могу взять на себя при условии, что *они будут согласны целиком посвятить себя научной работе. Неудачи неизбежны, но они не должны быть обескураживающими*¹². Поскольку необходимую подготовку уже имела Е.Н. Широкогорова, то оговаривалось также условие привлечения ее к исследованиям.

12 апреля 1928 г. ректором Университета им. Сунь Ятсена Дай Цзитао был подписан контракт на 2 года с профессором Ши. Пункт 3 документа предусматривал: «Научная работа проф. Ши в Университете заключается прежде всего в *антропологических и расоведческих исследованиях населения Южного Китая* (преимущественно бассейн р. Чжунцзян и острова Южно-Китайского моря». После решения всех организационных вопросов в мае-июне 1928 г. С.М. Широкогоров провел антропометрические замеры 2212 школьников в г. Гуанчжоу для того, чтобы изучить физическое развитие южных китайцев¹³.

Комитет по делам Института языка и истории 11 июня принял Постановление о проведении изучения народа яо, проживающего в Гуанси-Чжуанском автономном районе. Предполагалось, что первыми в места проживания яо поедут С.М. Широкогоров и сотрудник Института Ян Чэнчжи, которым поручалось провести предварительные переговоры для дальнейшего проведения исследований на местах¹⁴. В свою очередь, российский ученый представил 12 июня Докладную записку о необходимости проведения этнологической экспедиции в Юньнань. Планировалось, что работы здесь будут продолжаться 3 месяца и «основное внимание будет уделено этнографическому и лингвистическому изучению лоло и *антропологическому обследованию китайцев, как взрослых, так и детей*. Предполагалось также, что «проф. Широкогоров и его ассистент г-жа Широкогорова в случае, *если это будет необходимо*, будут работать по двум направлениям, а именно *одновременно среди лоло и китайцев*»¹⁵. После этого первоначальный план был изменен в пользу экспедиции в Юньнань под руководством Сергея Михайловича. Но, как это часто бывает, реальность внесла свои коррективы. Фу Сынянь, директор Института истории и языка, в своем письме от 24 июня 1928 г. уведомил об *отказе финансировать участие Е.Н. Широкогоровой*. Сотрудниками экспедиции были утверждены только Ян Чэнчжи и Жун Чжаоцзу, а Елизавета Николаевна должна была участвовать в ней на безвозмездной основе¹⁶.

Экспедиция отбыла из Кантона 12 июля 1928 г. в Ханой, откуда по железной дороге они должны были попасть к месту назначения в Юньнаньфу (современный Куньмин). Однако из-за начавшихся дождей, разрушивших полотно, движение на Юньнань было остановлено. По свидетельству С.М. Широкогорова и Жун Чжаоцзу, им пришлось задержаться в Ханое на 12 дней. Так еще в самом начале стало теряться регламентированное по срокам экспедиционное время. Фактически в Юньнаньфу экспедиция, напомним, планировавшаяся на 3 месяца, попала только в конце июля. Некоторое время ушло на обустройство и выяснение местных условий. Как оказалось, они были не самыми благоприятными, так как в провинции происходили беспорядки. Поэтому Широкогоров принял решение сосредоточиться на антропологической части задач экспедиции, проведя за это время обмеры более 2000 человек и готовя подборку фотографий различных антропологических типов¹⁷. Но это решение вызвало разлад с другими сотрудниками, стремящимися к чему-то «большему». Под предлогом необходимости возвращения в Университет для чтения лекций 22 августа, посчитав, что только обратный путь займет не менее месяца, уехал, не встретившись с руководителем экспедиции, Жун Чжаоцзу (впоследствии известный фольклорист). Между тем для него из средств экспедиции было уже специально закуплено оборудование и снаряжение, чтобы выполнить соответствующую часть работ. Когда появилась возможность охраны для перемещения по провинции, по прикидкам С.М. Широкогорова, только обратная дорога потребовала бы также около 40 дней. К этому расчету следует добавить уже

фактически прошедшие полтора месяца со времени начала экспедиции. Так что собственно для этнографических исследований у экспедиции явно не хватало времени. Полноценные результаты дают годовые экспедиции, а не недельные «наскоки». Тем не менее 31 августа Ян Чэнчжи — последний штатный сотрудник экспедиции — вместе с официальными лицами провинции и их охраной уехал из Юньнаньфу, чтобы заниматься этнографией лоло, а не антропометрической рутинной. В результате С.М. Широкогородов остался без помощника, а главное, переводчика, что существенно усложнило его дальнейшую работу и отношения с местными властями¹⁸.

Тем временем вернувшийся в Кантон Жун Чжаоцзу в своем письме Фу Сынаню от 19 сентября был вынужден признать свои более чем скромные результаты участия в экспедиции. «Фактически не было сделано ничего, за исключением встречи с несколькими лоло и беглого расспроса об их обычаях, а также записи языка лоло со слов одного гуйчжоусца. Зато удалось довольно дешево приобрести книги и эстампажи, которые обошлись в 500 гуандунских юаней». Но именно он первым «информировал» «о неблагоприятном поведении профессора Широкогорова в экспедиции», одновременно проговариваясь, что мало там с ним общался¹⁹. Он также назвал в качестве свидетелей других представителей Университета — заведующего учебной частью Чэнь Цзуннаня и профессора факультета филологии и истории (по другим данным — факультета психологии) Ван Цзинси. «Когда проф. Чэнь Цзуннань и Ван Цзинси приехали в Юньнань, они видели, как он с женой проводил время за игрой в карты с французами. По словам Чэнь Цзуннаня, эта супружеская пара зарекомендовала себя в Юньнани с наихудшей стороны. В том, что мне в этот раз пришлось вернуться почти ни с чем, есть и его вина»²⁰. Как известно, перекладывание хотя бы части своей вины на другого является эффективной линией защиты.

Затем в развитие темы «неблаговидного поведения» профессора Широкогорова 25 октября Чэнь Цзуннань и Ван Цзинси представили докладную на имя ректора Дай Цзитао и проректора Чжу Цзяхуа: «Нам известно, что в Юньнани указанный профессор проживал в европейском отеле. Со слов профессоров Университета Дунлу мы знаем, что проф. Широкогородов не выезжал для полевых исследований среди лоло, а укрывался от жары в провинциальном центре. Университет Дунлу обратился к нему с просьбой выступить с лекцией, но он на нее не явился. Правительство провинции Юньнань выделило ему солдат для сопровождения во время экспедиции, но он отказался ехать и ограничился тем, что обследовал учебные заведения в провинциальном центре. Это вызвало неудовольствие местного персонала. Когда [я, Чэнь] Цзуннань, пришел в его отель, оказалось, что он играет там в карты. Поэтому я не стал общаться с ним. Вышеизложенное мы видели собственными глазами и слышали от других»²¹.

Любопытно сопоставить этот текст с отрывком из письма того же Жун Чжаоцзу: «А Широкогородов и его супруга неплохо устроились: во-первых, потому что они могут скрыться от жары; во-вторых, потому что они измеряют детей... Когда мы прибыли в Юньнань, он намеревался отправиться в район Лунаньчжоу, расположенный неподалеку от провинциального центра. Но позднее, когда с председателем местного правительства была достигнута договоренность о поездке в Дунчуань, но отъезд был отложен, он решил, что больше никуда не поедет. После прибытия в Куньмин он заявил, что покрывает расходы за счет своих собственных денег. Я сравнительно мало контактировал с ним, но, по словам Ян Чэнчжи, он повел себя неправильно»²². Столь близкие совпадения позволяют утверждать, что именно первым вернувшийся в Университет сотрудник экспедиции стал основным источником информации для докладной против С.М. Широкогорова. Но и Жун Чжаоцзу, как мы могли убедиться, мало контактировал со своим руководителем. Он ссылаясь на слова другого ее участника, который действительно помогал Широкогородову в его антропометрических исследованиях. Представляет также интерес сообщение об отложенной поездке в контексте расчетов о 40 днях на обратный путь.

Я не могу из-за недостатка данных обсуждать финансовую сторону экспедиции, но мы знаем, что участие Елизаветы Николаевны в экспедиции, действительно, оплачивалось самим Сергеем Михайловичем. А это также выставлялось как его «неправильное поведение». Важная роль в формировании негативного облика начальника экспедиции явно была отведена эпизоду «игры в карты (покер) с французами». Из рассматриваемых текстов нельзя установить, кто им об этом сообщил, так как заявители, *узнав об этом*, не захотели общаться с Широкогоровым.

Сам же Сергей Михайлович в письме директору Фу Сынаню от 5 сентября, то есть после того, как был уже оставлен своими сотрудниками, отчитывался такими результатами: «... я продолжал свою работу, главным образом антропометрическую, в Юньнаньфу. Я уже измерил несколько различных групп населения, *более 1000 человек*, так что этот материал после завершения всей программы будет достаточен для определенных выводов. Помимо этого, я собрал хорошую коллекцию фотографий, главным образом, антропологических субьектов». Поступок своих сотрудников он объяснил совсем не в обличительном стиле: «Причиной тому была их психология — они надеялись на скорый отъезд, и это занимало все их мысли и всё время пребывания здесь... Отчасти это было связано с тем, что они разрекламировали свои планы в кантонских газетах еще до того, как познакомились с местными условиями»²³.

О деятельности и планах самого Широкогорова можно также судить по его письму В.М. Алексееву от 30 сентября 1928 г.: «А в Юньнани я нахожусь уже более 2 месяцев на предмет антропологических (преимущественно среди китайцев) и этнографо-лингвистических (среди лоло преимущественно) исследований... После всех этих, иногда *экстраординарных усилий собран поистине колоссальный материал*. После окончания работы здесь вернусь в Кантон, приблизительно в ноябре, чтобы снова собирать материал и готовить его к печати. Это же возьмет много времени, т.к. и материал большой и писания много: выйдут второй том “Process”²⁴ и “Anthropology of Northern China”²⁵, оба в 2½ или в 3 раза больше, чем мои предыдущие соответствующие работы». Интересной деталью этого письма является также информация, что в это сложное время Сергею Михайловичу все же «оказывал помощь один молодой китаец»²⁶.

Но этим планам не суждено было реализоваться. Уже 30 октября С.М. Широкогоров, только что вернувшийся из экспедиции, получил уведомление: «Вы приглашаетесь на заседание комиссии, назначенной ректором Университета для рассмотрения обстоятельств Вашей недавней поездки в провинцию Юньнань»²⁷. Для Комиссии был подготовлен список из 12 вопросов начальнику Юньнаньской экспедиции. Их содержание показывает, что заинтересованная сторона хотела «уточнить» аргумент о недостаточности времени для выполнения всей программы исследований, ставя вопрос о некоей сокращенной Программе или *немедленном возвращении* в Университет. Кого-то также интересовало, «были ли антропометрические измерения в Юньнани предусмотрены заданием Университета?» Затем все подводилось к главному вопросу: «Если *первая экспедиция не дала результатов*, означает ли это, что он не в состоянии выполнять свои обязательства перед Университетом?» Отсюда логически готовился вывод: «Если он считает, что не может выполнять свои обязательства, не следует ли ему *подать заявление об уходе?*»²⁸. Так что определенное мнение в отношении Широкогорова было уже сформировано. Примечательно, что пока шло разбирательство, сам Сергей Михайлович продолжал в Кантоне *свои антропометрические исследования*, работая с солдатами местного гарнизона.

Дебаты по «делу Широкогорова» не дали желаемого результата. После обсуждений было решено принять компромиссное решение в отношении российского профессора: 27 ноября С.М. Широкогорову было предложено перейти из Университета в Академию наук. К этому времени бывшее подразделение Университета им. Сунь Ятсена стало Институтом истории и филологии Центральной национальной академии наук (ЦНИА).

Официальное приглашение на работу в Институте он получил 1 июля 1929 г. После того, как срок действия контракта с этим Институтом закончился, Сергей Михайлович принял в сентябре 1930 г. предложение занять должность профессора в Университете Цинхуа. Там он стал преподавать антропологию, физическую антропологию и структуру первобытного общества вплоть до своего ухода из жизни 19 октября 1939 г. Там же у него появился аспирант Фэй Сяотун²⁹.

Таким образом, обращение к представленным документам и другим данным позволяет утверждать, что переходы С.М. Широкогорова в разные учебные и научные учреждения Китая прежде всего были обусловлены их реорганизациями, а не «особенностями его характера». В остальных случаях он дорабатывал до истечения срока своих контрактов. Понятно также, что ученый такого уровня не мог оставаться в Кантоне после полученных оценок результатов его экспедиции. Парадоксальность ситуации, сложившейся вокруг полевых исследований 1928 г. в Юньнани, заключается в том, что с самого начала это была инициатива Широкогорова. В своей Исследовательской программе для руководства Университета и Докладной записке по поводу экспедиции он подчеркивал в качестве своих основных задач проведение именно физико-антропологических работ. Имея, в отличие от своих молодых сотрудников, большой опыт этнографических экспедиций, учитывая обстановку в Юньнани и ограниченность времени, Сергей Михайлович решил сконцентрироваться на антропометрических исследованиях. Известно, насколько кропотливой является такая работа: только необходимые обмеры и фиксация данных по 2 тыс. человек (из расчета 15 мин. на одного человека) заняли бы 500 часов. При 8-часовом рабочем дне (а Широкогорov, по свидетельствам знавших его людей, обычно трудился по 18 часов³⁰) только эти обмеры и записи заняли бы более 60 дней. Помимо этого все еще надо было организовать, провести первичную обработку результатов, вести различные переговоры и т.д., и т.п. Так что игра в карты явно не могла быть основным занятием Широкогорова в Юньнаньфу.

Интересно, как смог хорошо отчитаться за свои весьма скромные результаты тот же Жун Чжаоцзу. Но он, толком не поучаствовав в работе экспедиции, взялся оценивать работу С.М. Широкогорова: «Впрочем, может быть это даже и к лучшему, что он не поехал. В Китае полевые исследования иностранцев всегда идут со скрипом, потому что они плохо знают обстановку»³¹. Вообще-то, по принятым нормам, какие-либо важные действия сотрудников, не согласованные с начальником экспедиции, являются серьезными нарушениями дисциплины с соответствующими последствиями. Другой «соратник» по экспедиции Ян Чэнчжи, предвосхищая современных постмодернистов, также был уверен: «Отстающему от других стран в области науки Китаю приходилось обращаться за помощью к иностранным профессорам, так уж повелось, что без этого не обойтись. Однако если от такого специалиста требуется изучить образ жизни местных народов, надеявшись на то, что он сможет отдать все свои силы для того, чтобы совершить прорыв в китайской науке, то я немного сомневаюсь в исходе такого предприятия: вряд ли, наблюдая за жизнью и обычаями китайцев, иностранец сможет лучше разобраться в этом, чем сами китайцы, образ жизни иностранца, скорее всего, будет противоречить местным обычаям, иностранцы вряд ли настолько же мудры в вопросах упорного труда и терпения, как китайцы»³².

Положение С.М. Широкогорова как иммигранта не могло не сказаться на оценке результатов его экспедиции. Оно еще более усугублялось общественно-политическими реалиями Китая 1920-х — 1930-х годов. О них Сергей Михайлович сообщил в своем письме В.М. Алексееву 26 августа 1930 г.: «Мои теории насчет смешанного характера китайцев в последнее время встречают сильную оппозицию в тех кругах, которые хотят видеть Китай “единым”. Об этом мне говорили неоднократно и, так сказать, намекали, что по высшим соображениям мои теории не соответствуют духу времени. Посему мое внимание стараются оттянуть в сторону университетской деятельности!»³³. Могли ли

быть положительно оценены результаты физико-антропологических исследований российского ученого при таких условиях?

Лю Сяююн, основательно изучивший все обстоятельства, связанные с Юньнаньской экспедицией, смог обнаружить и другие, совсем мало научные причины ее негативной оценки. «Дело Широкогорова» в некоторой степени стало отражением разногласий между Фу Сынанем и Гу Цзеганом, главой Научно-исследовательского центра Университета им. Сунь Ятсена, возникших по поводу соотношения антропологии и фольклористики. Однако, по его мнению, основная причина здесь кроется в обычных бюрократических интригах. Дело в том, что Ван Цзинси — один из инициаторов «дела» по Юньнаньской экспедиции — был очень негативно настроен против Гу Цзегана, который одно время работал вместе с Широкогоровым в НИИ национальных наук Сямэньского университета. По данным Лю Сяююна, в свое время Гу Цзеган много сделал для того, чтобы на пост проректора университета был назначен Чжу Цзяхуа, не устраивавший Ван Цзинси³⁴. Дискредитация экспедиции, как и ее руководителя, наносила удар по престижу неугодных первых лиц Университета. Ну, можно ли упустить такой повод!

Однако «злым гением» во всей этой истории остается все же Ян Чэнчжи, со слов которого готовили свои разоблачения другие обвинители С.М. Широкогорова. Очевидно, что в данном случае мы имеем дело с другой мотивацией. Да, Ян Чэнчжи продолжал свои работы по исследованию лоло в течение 1 года и 8 месяцев. Но вскоре он, приложив немало усилий по отставке Широкогорова из Университета, пришел к пониманию: «Я еще слишком молод, мне не достает знаний, и хотя мы привезли из Юньнани множество материалов и записей, но каждый раз, собираясь написать книгу, системно обобщающую эти материалы, которая могла бы представлять собой научную ценность, я не могу найти в нашем университете хорошего наставника, который помог бы мне найти правильный подход к вопросу. Это помогло мне осознать тот факт, что собрать материалы легко, а систематизировать их непросто»³⁵. Поэтому Ян Чэнчжи решил «покинуть отсталый в культурном плане Китай, уехать за границу, иначе успеха не добиться». Между прочим, учился он в Парижском институте антропологии, как и С.М. Широкогоров³⁶. Вернувшись затем в Китай, он стал ведущим специалистом в Университете им. Сунь Ятсена, занимаясь той самой антропометрической («муравьиной») работой. Тем не менее, по ряду свидетельств, Ян Чэнчжи сохранял глубокую личную неприязнь к российскому ученому даже много лет спустя после Юньнаньской экспедиции: «Широкогоров пел одну и ту же песню еще более 29 лет до самой своей смерти в Пекине в 1954 г. и т.д.»³⁷ Напомним, что С.М. Широкогоров скончался в 1939 г., но это тоже было неважно, как и с фактами в 1928 г. По свидетельству Френсиса Л.К. Сюя (Сюй Ланьгуана): «Он (т.е. Ян Чэнчжи. — А.К.) рассказал мне, что Широкогоров был буквально одержим тунгусами и больше ничего не знал. Как преподаватель он был очень авторитарен и просто пугал. После лекции я подошел к нему, чтобы задать вопрос и обратился — не профессор или доктор, а просто — г-н Широкогоров. Широкогоров проигнорировал мой вопрос и спросил очень высокомерно: «Кто вам сказал, что вы можете называть меня г-н Широкогоров?»³⁸. Не отсюда ли идут слухи об «аристократических замашках» Сергея Михайловича, не отмечавшиеся хорошо знающими его современниками?

Таким образом, оценивая результаты и значение первой в Китае антрополого-этнографической Юньнаньской экспедиции, можно констатировать, что она является не «экспедицией, не оправдавшей надежд», а, скорее, «экспедицией, на которую возлагались неоправданно большие ожидания». Для самого Сергея Михайловича, вся жизнь которого стала, фактически, одной большой экспедицией, такой трехмесячный выезд не мог иметь «эпохального» значения. Полученные им реальные научные результаты в условиях того времени никого не интересовали, так как сделать из них («на костях и черепах», как ска-зали бы сегодня) хорошую пиар-акцию об экспедиции не получалось. Зато другие околонаучные обстоятельства: та же конкуренция между разными подразделениями Универси-

тета, оппозиция ряда лиц руководству Университета, стремление оправдать свое скромное участие и, наконец, личная неприязнь создали ту негативную атмосферу и по отношению к российскому руководителю, и к самой экспедиции, которую трудно преодолеть и сегодня. Показательной в данном отношении является очень сдержанная позиция А.М. Решетова: «С июля по октябрь 1928 г. С.М. Широкогорov в главе экспедиции находился в пров. Юньнань, где им при участии его учеников, молодых китайских ученых Ян Чэн Чжи, Жун Чжао Цзу и др., проведены значительные полевые этнографические и антропологические исследования среди разных групп китайцев, лоло (и) других народов. Это были первые в истории китайской науки полевые этнографические исследования»³⁹. Только на рубеже веков китайские исследователи пришли к выводу: «Исследования физических данных китайцев, проводившиеся Широкогорovым, по сей день являются единственными в своем роде и не получили продолжения»⁴⁰. С большим запозданием, но все же была сделана и переоценка его полевых исследований: «Юньнаньская экспедиция является классическим для Китая примером проведения антропологического исследования, однако именно она наглядно продемонстрировала сложность повторного процесса в китайской науке»⁴¹.

Конечно, вся эта история не прошла бесследно для Сергея Михайловича. Он так и не продолжил свои физико-антропологические исследования. По материалам экспедиции было опубликовано несколько статей, в том числе и по этнографии лоло⁴². В 1929 г., когда еще не завершилось «юньнаньское дело», он издал монографию «Социальная организация северных тунгусов...», не утратившую до настоящего времени своего значения⁴³. Потом была еще работа «Этнологические и лингвистические аспекты урало-алтайской гипотезы» (1931)⁴⁴. С декабря 1928 г. еще в Гуанчжоу он начал готовить свой фундаментальный «Психоментальный комплекс тунгусов», изданный уже в Пекине в 1935 г.⁴⁵, и все это не считая различных статей и других публикаций. Известно, что последние годы Сергей Михайлович посвятил главному делу своей жизни — работе «Введение в этнологию. Теория этноса». К сожалению, уже завершенная рукопись этого труда, как и весь научный архив, бесследно исчезли в 1943 г., после внезапной смерти Елизаветы Николаевны во время японской оккупации Пекина. Однако в то время, когда полевые исследования становились главным критерием научности, осмысление и публикация полученных таким образом результатов стали рассматриваться чуть ли не как «отход от науки». Между тем Сергей Михайлович был великим подвижником науки, а не наемным работником при ней. Но, проводя значительную часть времени за работой, он не был мастером досужего общения. Как вспоминал позднее Фэй Сяотун, во время учебы в Пекине Широкогорov воспринимался им как: «Одновременно строгий и даже пугающий. Был он также очень много знающим, так что я не мог понять все то, что он тогда мне говорил. Он знал все: антропологию, биологию, физическую антропологию, математику, лингвистику. Холистический подход был для него вполне естественным. Очень знающий и обладающий большим умом. Он был для меня недостижим, как энциклопедия...»⁴⁶.

Некоторые российские специалисты почему-то воспринимают С.М. Широкогорова как романтика. Реально же понять трагедию нашего выдающегося соотечественника смог все тот же Фэй Сяотун, описывая жизненные обстоятельства Сергея Михайловича, «...когда тот, молодой, подающий большие надежды ученый, с огромным опытом работы, был вынужден покинуть родину, скитаться, был лишен привычной среды общения и возможности публиковать результаты своих научных изысканий на родном языке». Фэй Сяотун упоминает о том, что Широкогорov и его жена находились под давлением КГБ (ОГПУ-НКВД. — А.К.) и жили в постоянном страхе»⁴⁷. Показательно, что уже на вершине собственных достижений профессор Фэй называл себя неблагодарным и не оправдавшим надежды своего учителя учеником⁴⁸.

Следует также учитывать, что после Синьхайской революции и дальнейших событий, а затем начавшейся войны с Японией в стране были не самые «тепличные» условия для научной работы. Тем не менее, талант и огромное трудолюбие позволили С.М. Широкогорову внести огромный личный вклад в развитие образования и науки Китая⁴⁹. Поэтому мы можем быть признательны этой стране и ее людям за то, что они все же позволили реализоваться выдающемуся ученому С.М. Широкогорову. Зарубежные специалисты тоже считают, что «... наиболее влиятельным в этнологических кругах европейцем был не один из таких кратковременных визитеров в 1930-х — 1940-х годах, но тот, кто выбрал Китай в качестве родного дома», то есть Широкогоров⁵⁰. Мы можем с полным правом говорить о вкладе в мировую науку замечательного российского исследователя. Все основные его работы были переизданы позднее в Западной Европе и США, а также переведены на китайский и японский языки. И в настоящее время С.М. Широкогоров и его работы являются очень авторитетными среди специалистов всего мира, занимающихся изучением коренного населения Сибири, шаманизма и других этнологических вопросов. Но мы еще должны усвоить наследие выдающегося ученого во всей полноте, освободившись от разного рода домыслов в его отношении.

1. Лю Сяююн. Дилемма между знанием и практикой: анализ «инцидента Широкогорова» // Академические исследования. 2007. № 4. С. 113 (на кит. яз.)
2. Там же. С. 112–113.
3. Там же. С. 114.
4. Широкогоров С.М. Этнос. Исследования основных принципов изменения этнических и этнографических явлений». Шанхай, 1923.
5. Shirokogoroff S.M. Social Organization of the Manchus. Shanghai: Royal Asiatic Society (North China Branch), 1924; Shirokogoroff S.M. Social organization of the Northern Tungus. Shanghai: The Commercial Press, 1929.
6. Крюков М.В. С.М. Широкогоров и Юньнаньская экспедиция 1928 г. // Проблемы общей и региональной этнографии (к 75-летию А.М. Решетова). СПб., 2007. С. 93–94.
URL: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/01/978-5-88431-142-8_11.pdf
7. Государственный архив Приморского края. Ф. 715. Оп. 1. Д. 50. Л. 9.
8. Результаты были опубликованы в: Anthropology of Eastern China and Kwangtung province // Publications of North China Branch of the Royal Asiatic Society. Extra volume 4. 1925. 162 p.
9. Shirokogoroff S.M. A Tungus dictionary. Tungus-Russian and Russian-Tungus, photogravured from manuscript. Tokyo: Minzokugaku Kyokai. 1944. 258 p.
10. Лю Сяююн. Дилемма между знанием и практикой... С. 113.
11. Крюков М.В. Указ. соч. С. 95.
12. Там же. С. 97.
13. Крюков М.В. Указ. соч. С. 98; Лю Сяююн. Влияние Широкогорова на становление антропологии в Китае // Журнал Южно-Центрального университета по гуманитарным и социальным наукам. 2007. Вып. 24. С. 73–79 (на кит. яз.)
14. Лю Сяююн. Дилемма между знанием и практикой... С. 113.
15. Крюков М.В. Указ.соч. С. 101.
16. Там же. С 102.
17. Там же. С. 103–105.
18. Там же. С. 104.
19. Там же. С. 105.
20. Там же. С. 106.
21. Там же.
22. Там же.
23. Там же. С. 103–104.
24. Речь идет о работе С.М. Широкогорова Process of physical growth among the Chinese. Vol. 1. The Chinese of Chekiang and Kiangsu: measured by Dr. V. Appleton. Shanghai: The Commercial Press. 1925. 137 p.

25. Anthropology of Northern China. Royal Asiatic Society. Extra vol. 11. Shanghai. 1923. 118 p.
26. *Широкогоров С.М.* Письмо В.М. Алексееву 5 сентября 1928 г. // *С.М. Широкогоров. Письма к В.М. Алексееву (1927–1932)*. М.: ГРВЛ, 2016. С. 49.
27. *Крюков М.В.* Указ.соч. С 107–108.
28. Там же. С. 108.
29. Там же. С. 109; *Лю Сяююн.* Дилемма между знанием и практикой... С. 116.
30. *Крадин Н.П., Решетов А.М.* О круге знакомств С.М. Широкогорова в Пекине: художник и скульптор Николай Лонгинович Кощевский // *Этнографическое обозрение*. 2007. № 6. С. 5–13.
31. *Крюков М.В.* Указ. соч. С. 106.
32. *Лю Сяююн.* Дилемма между знанием и практикой... С. 113.
33. Архив Санкт-Петербургского филиала РАН. Ф. 820. Оп. 3. Д. 880. Л. 32 об.
34. *Лю Сяююн.* Дилемма между знанием и практикой... С. 114–115.
35. Там же. С. 116.
36. Там же.
37. *Guldin G.* The Saga of Anthropology in China: from Malinowski to Moscow and Mao. New York; London: An East Gate Books; Armork. 1994. P. 45.
38. Ibid. P. 46.
39. *Решетов А.М.* С.М. Широкогоров: китайский период жизни и деятельности (1922–1939 гг.) // *Зарубежная Россия 1917–1939*. Кн. 2. СПб., 2003. С. 183–189.
40. *Лю Сяююн.* Влияние Широкогорова на становление антропологии в Китае. С. 76.
41. *Лю Сяююн.* Дилемма между знанием и практикой... С. 116.
42. *Shirokogoroff S.M.* Phonetic notes on a Lolo dialect and consonant // *Bulletin of the National Research Institute of History and Philology*. 1930. P. 183–225.
43. *Shirokogoroff S.M.* Social organization of the Northern Tungus...
44. *Shirokogoroff S.M.* Ethnological and linguistical aspects of the Uralo-Altaic hypothesis. Peiping: The Commercial Press, 1931. 198 p.
45. *Shirokogoroff S.M.* Psychomental complex of the Tungus. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co. 1935. 469 p.
46. *Петрова Е.Д.* Фэй Сяютун о С.М. Широкогоре. «После прочтения книги вспоминаю учителя» // *Этнос и нация в условиях глобализации: опыт и прецеденты АТР*. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2008. С. 124–129.
47. Там же. С. 126.
48. Там же. С. 129.
49. См.: *Arkush D.* Fei Xiaotong and Sociology in Revolutionary China. Harvard East Asia Monograph, 1981. 386 p.; *Mingxin Liu.* A Historical Overview on Anthropology in China // *Anthropologist*. 2003. 5(4). P. 217–223; *Pieke F.N.* Beyond orthodoxy: social and cultural anthropology in the People's Republic of China // *Asian Anthropology*. Ed. by J. Van Bremen, E. Ben-Ari and S.F. Alatas. Oxon, New York: Routledge, 2005. P. 59–79.
50. *Guldin G.* The Saga of Anthropology in China... P. 44.